

ПОЛЬЗУЕМСЯ-ЛИ МЫ УРОКАМИ ИСТОРИИ?

Самая непрактичная раса въ мірѣ—наша славянская. Славянинъ, даже если изучаетъ что нибудь, то только для «чистаго знанія», а не для примѣненія на практикѣ, т.-е. не для пріобрѣтенія науки жизни, пользуясь опытомъ или изслѣдованіями другихъ. Даже исторія изучается лишь для блеска знаніемъ: «неудобно моль не знать эгого...» Приличіе требуетъ....

Нѣкоторые впрочемъ пытаются, при помощи исторіи, разгадать или открыть тѣ законы, которыми будто бы неизмѣнно управляется жизнь народовъ и даже цѣлаго человѣчества, независимо отъ отличительныхъ качествъ того или другого народа. Поэтому они ставятъ всѣ совершающіяся историческія событія даннаго народа внѣ зависимости отъ сознательнаго или безсознательнаго отношенія къ

нимъ и вліянія на нихъ этого народа, и такимъ образомъ создаютъ ученіе о неизбѣжности этихъ событій, т.-е. ученіе о фаталитетѣ или рокѣ (Толстой въ IV части «Войны и Мира»).

Нѣкоторые, не будучи поклонниками ученія о рокѣ, тѣмъ не менѣе замѣчаютъ полную зависимость судьбы народовъ отъ якобы неизбѣжныхъ вліяній на жизнь ихъ со стороны внѣшнихъ факторовъ. Они говорятъ: народы рождаются и развиваются въ суровыхъ внѣшнихъ условіяхъ, заставляющихъ ихъ жить въ постоянной борьбѣ. Въ этой постоянной борьбѣ народъ крѣпнеть, закаляется и, въ виду общей опасности, невольно, инстинктивно, спланивается для вѣрнѣйшаго ея отраженія. Но послѣ, говорятъ они, по достиженіи извѣстной степени безопасности, особенно съ развитіемъ культуры, съ развитіемъ цивилизаціи, падаетъ воинственность народа, такъ какъ блага жизни уже имѣются, добывать какъ будто больше нечего или опасно (какъ бы и своего не потерять), и высоко культурный и цивилизованный народъ подпадаетъ подъ власть дикаго, но воинственнаго племени.

Въ свою очередь, завоеватели мечомъ завоевываются культурой, цивилизаціей покоренныхъ и сами расслабляются. Такое сужденіе возникаетъ изъ черезчуръ общаго, такъ сказать, наружнаго обзора жизни народовъ. Благодаря такому обзору, получается право сдѣлать логическій выводъ, что культура и цивилизація обязательно сопровождаются потерей воинственности и неизмѣнно ведутъ данный народъ къ политической смерти.

Доказать несправедливость такого вывода очень трудно, особенно историческими фактами, кромѣ того, это заняло бы слишкомъ много мѣста.

Поэтому позволю себѣ обратить вниманіе читателей на слѣдующую аналогію, изъ которой видно будетъ, что сдѣланные выводы не имѣютъ точно опредѣленнаго основанія, а потому могутъ быть отнесены и къ другимъ причинамъ.

Такъ, если бы мы, кромѣ исторіи народовъ, читали исторіи отдѣльныхъ человѣческихъ жизней и сдѣлали бы подобный предыдущему общій наружный обзоръ ихъ, мы бы сказали: «человѣческій организмъ сначала борется, этимъ закаляется и укрѣпляется. Человѣкъ становится энергичнымъ (т.-е. воинственнымъ) и стремится къ приобрѣтенію благосостоянія (т.-е. къ завоеваніямъ), но, достигши его (т.-е. покоривши), обыкновенно, вскорѣ теряетъ способность бороться (т.-е. теряетъ воинственность) и гибнетъ.

Будет ли здѣсь правильнымъ выводъ, что и отдѣльные люди умираютъ потому, что достигли благосостоянія?

Конечно, отвѣтить не трудно: можетъ быть и потому, но, вѣрнѣе, вслѣдствіе наступленія старости, т.-е. конца жизни.

Не будетъ ли такой отвѣтъ болѣе правильнымъ и въ отношеніи жизни народовъ? То есть: народъ теряетъ свою воинственность (энергію) не потому, что онъ достигъ той или другой степени культуры и цивилизованности, а, вѣроятнѣе, вслѣдствіе наступленія дряхлости.

Отсюда—двѣ цѣли, двѣ задачи при пользованіи исторіей: во-первыхъ, надобно еще выучиться опредѣлять фазы жизни народовъ, а, во-вторыхъ, надо отличать, такъ сказать, индивидуальныя свойства каждаго народа, его политическое здоровье, признаки старости и разложенія.

Но, какъ человѣкъ разнится въ этомъ отношеніи отъ человѣка, такъ и народъ разнится отъ народа. Это мы видимъ въ дѣйствительности; видимъ, что не все, примѣнимое къ одному народу, примѣнимо къ другому; да и вообще—различіе народовъ рѣзко замѣтно во всемъ.

Всѣ эти различія, всѣ типичныя особенности каждаго народа, какъ и отдѣльнаго человѣка, рѣзче всего выказываются въ выдающихся событіяхъ, переломахъ, трудныхъ положеніяхъ.

Вотъ гдѣ заключается тотъ драгоцѣнный кладъ, который имѣется въ исторіи: въ историческихъ событіяхъ рельефно выказываются отличительныя признаки того или другого народа, его достоинства, его недостатки, вообще его характеръ.

Исторія въ жизни народа—это опытъ въ жизни человѣка, его дневникъ. А потому, насколько разумно и естественно, что человѣкъ вспоминаетъ событія своей жизни, ведетъ дневникъ (съ цѣлью впредь использовать этотъ опытъ съ цѣлью «познать самого себя», дабы культивировать свои хорошія и сильныя стороны и по возможности парализовать, если не совсѣмъ уничтожить, свои дурныя и слабыя стороны), настолько же разумно и естественно было бы и народу, подобнымъ же образомъ, пользоваться своей исторіей.

Не думаю, чтобы нашелся хоть одинъ человѣкъ, который бы сталъ оспаривать что нибудь изъ сказаннаго здѣсь и главнымъ образомъ то, что исторію слѣдуетъ изучать не ради чистаго знанія или,

какъ нѣкоторые говорятъ: «можетъ быть когда нибудь и пригодится» (для экзамена, для салонныхъ разговоровъ, для блеска своею образованностью и пр.), т.-е. «на всякій случай», а для *использованія* опыта. Напротивъ, я ожидаю упрека, что это слишкомъ очевидно, даже для ребенка, а потому это, конечно, всѣмъ извѣстно и не стоило и говорить о такихъ черезчуръ простыхъ вещахъ.

Но именно простыя то вещи и упускаются всегда изъ виду. И въ данномъ случаѣ оказываются упущенными и не принятыми во вниманіе нами очевиднѣйшіе и простѣйшіе уроки исторіи нашего русскаго народа.

Эти уроки именно тѣмъ и цѣнны, что наглядно показали, какъ выдающіеся недостатки, такъ и достоинства нашего народа.

Не подъемъ культуры и цивилизаціи, а потаканіе своимъ слабостямъ (и условія, благопріятствующія развитію этихъ слабостей и національныхъ недостатковъ, а также неумѣніе пользоваться національными достоинствами) ведетъ къ потерѣ воинственности народа, его крѣпости, сплоченности, а потому и къ упадку...

Правда, культура и цивилизація почему то нынѣ предпочитаютъ достиженіе исключительно *личнаго* благосостоянія и спокойной жизни, маскируемое лишь общимъ благомъ всего человѣчества (космополитизмъ). Поэтому онѣ приводятъ обыкновенно къ ослабленію національной сплоченности, къ ослабленію желанія жертвовать собой за интересы своего народа, считая, что они уже достигаются по пути космополитизма. Но вѣдь это русло, по которому направлены культура и цивилизація, можно и измѣнить, давъ ему естественное направленіе—благо семьи, т. е. ячейки государства, развитіе всего того, что усилить защиту этого государства. Столь естественно и нормально направленная культура и цивилизація въ высшей степени усилятъ защиту государства или семьи отъ голода, холода и всякихъ бѣдствій.

Конечно, космополитизмъ ведетъ къ тому, что болѣе эгоистичные, сильные характеромъ и заботящіеся лишь о благѣ *своего* народа (семьи и народа) завладѣваютъ всѣмъ у «непротивящихся злу» и не пекущихся о своей семьѣ (и о народѣ) ради отвлеченнаго общаго блага человѣчества...

Что же принято нами во вниманіе по этому поводу изъ уроковъ нашей исторіи? Выяснены ли нами наши національные недостатки и достоинства и что сдѣлано для того, чтобы парализовать

вредное вліяніе первыхъ и чтобы увеличить полезное вліяніе вторыхъ?

Отвѣтъ неутѣшительный: ничего не сдѣлано, такъ какъ исторія изучается нами лишь для чистаго знанія, для объясненія историческихъ событій, для критики...

А между тѣмъ каждое событіе могло бы быть *использовано* въ смыслѣ прямой утилизациі: поученія, опыта, національнаго самопознанія, самоанализа.

Не имѣя возможности останавливаться на всѣхъ въ этомъ отношеніи замѣчательныхъ и поучительныхъ событіяхъ нашей исторіи, я остановлюсь лишь на нѣсколькихъ, особенно насъ характеризующихъ.

I. Блескъ русской удали (и вопиющности).

Святославъ и цѣлый рядъ «удалыхъ» князей, нашъ былинный эпосъ, не то что характеризуютъ, отгѣняютъ, а такъ и сверкаютъ отличительной особенностью русскихъ; особенностью, прославленной еще въ нашемъ былинномъ эпосѣ и сохранившейся и понынѣ: это—*безшабашная удаля, стремленіе выходить на бой въ'одиночку, съ малыми отрядами, стремленіе одному или малымъ отрядомъ бить и побѣждать «тѣмы».*

Только бой «богатыря» съ тѣмой, съ полчищами, и прославляется: «махнетъ—улица или переулочекъ»... И хотя всѣхъ богатырей по одиночкѣ перебьютъ вражьи несмѣтныя силы, и побѣдятъ, и полонятъ нашихъ, но вѣчная слава богатырямъ, выходившимъ на бой въ одиночку на цѣлую рать...

Славятъ не побѣду, не умѣніе полководчески управлять силами массъ, сосредоточивая всѣ силы для удара въ одно мѣсто, а только одиночный подвигъ и смерть въ неравной борьбѣ. Побѣду понимаютъ только, какъ побѣду надъ сильнѣйшимъ. Эта отличительная черта русскаго народа рѣзко замѣтна и въ наше время, и мы эту черту боготворимъ и еще больше культивируемъ.

Да и трудно не культивировать, не поклоняться этому. Трудно не восхититься проявленіемъ благороднѣйшаго, хоть иногда не совсемъ осмысленнаго геройства—совершить такой подвигъ, благодаря которому только, а не искусно направляемымъ усиліямъ массъ, операциямъ, и достигнуть успѣхъ. Трудно устоять противъ очарованія риска—малыми силами противостоять большимъ силамъ. И вотъ мы требуемъ отдѣльныхъ подвиговъ, а не общей побѣды, учимъ под-

вигамъ не въ массѣ, а въ одиночку, славимъ ту неравную борьбу, гдѣ насъ было меньше.

Если бы у насъ нашелся искусникъ-полководецъ, который бы умѣлъ управлять массой войскъ и этой массой раздавилъ бы мало-численнаго противника, то на него бы стали кричать, что это некрасиво, неблагородно бить слабѣйшаго; это все равно, что бить лежачаго ¹⁾. И дѣйствительно, въ нашей исторіи нѣтъ примѣра борьбы со слабѣйшимъ... А съ Японіей? Тамъ мы сначала какъ бы совѣстились бороться съ нею всѣми своими силами и, какъ завѣдомо сильнѣйшій борецъ, дали «фору»: позволили взять себя за талію обѣими руками, сами дѣйствуя только одною лѣвой рукой.

Эти—дивное русское великодушіе къ слабѣйшему, благородство въ борьбѣ, развившіяся въ страсть къ самопожертвованію и непо-зволяющія намъ не только бить лежачаго, но даже пользоваться вполне плодами побѣдъ, надо учитывать и сдерживать, хотя бы только до окончанія борьбы, такъ какъ даже простѣйшая логика говорить, что послѣ побѣды въ сраженіи необходимо и обязательно преслѣдовать, т.-е. добывать поверженнаго уже врага.

Необходимо принять во вниманіе этотъ урокъ исторіи: наше всегда не кстати великодушіе, благородство, самопожертвованіе — безспорно самыя высокія чувства, достойныя поклоненія, но только во-время, а не въ бою, гдѣ они неумѣстны, лишены смысла и логики, такъ какъ въ борьбѣ изъ двухъ противниковъ (какъ уже сказано) не можетъ быть двухъ побѣдителей, а только одинъ. Вступленіе же въ борьбу можетъ имѣть только одинъ смыслъ, оправданіе, цѣль—это полный разгромъ противника, безъ чего не слѣдуетъ и въ борьбу вступать. Если желать побѣды въ смертельной борьбѣ, дуэли, то нѣтъ мѣста великодушію, благородству, самопожертвованію, такъ какъ, милуя, спасая, хотя бы отчасти, вступившаго въ смертельную борьбу противника, обрекается на новую борьбу наше же отечество; обрекается оно на новыя, непредвидѣнныя, можетъ быть, смертельныя опасности, ибо между народами, т.-е. коллективными лицами, не было, нѣтъ и не можетъ быть ни благодарности, ни преданности, ни долга, какъ между людскими индивидуумами.

Знаменитая фраза, что «Австрія, удивила будто бы, міръ своей неблагодарностью», очень и очень иносказательна. Міръ удивился не здоровому эгоизму Австріи, а нашимъ утопическимъ надеждамъ на благодарность намъ всѣхъ европейскихъ народовъ за 1812, 1813,

¹⁾ «Легкая побѣда—плохое торжество!» (Рус. поговорка).

1814 и 1815 года, за спасение нами Австрии в венгерскую кампанию и др. случаи.

История показывает, что все действия народов, в противоположность действиям отдельных людей, объясняются и регулируются только эгоистичной любовью к своему отечеству; следовательно польза и выгода своего отечества должны и у нас бы стоять впереди всего. Только отсюда должны вытекать все другие чувства к иностранцам: дружба (союз), ненависть, мщение и пр. Отсюда и логическое объяснение — почему благородство и великодушие (в особенности самопожертвование) даже к надломленным врагам отечества есть преступление в отношении этого отечества.

II. Предвзятость: русская специальность не нападать, а отбиваться.

Переходя еще к одной, сверкающей в общей и военной истории, отличительной чертой русского народа (вытекающей из предыдущего), я позволю себе остановиться на факте явно противоположного толкования не только исторической, но и настоящей действительности.

Так многими, даже почти всеми, решено и подписано, что русские особенно хороши в отступлении, в позиционной войне. в партизанской войне... Объясняют это только характерной для русских стойкостью и великой решимостью, готовностью умереть, но «не посрамиться»; «мертвые бо сраму не имеют» — сказал Святослав, проникнувшийся славянским духом, а потому всегда находивший дружный отклик в душе своей дружины.

И правда, русские всегда отличались стойкостью и решимостью скорее умереть, чем посрамиться. Недаром один из великих полководцев с удивлением воскликнул: «Русского солдата мало убить, надо еще его повалить»!

И нам стыдно забывать, не развивать и не пользоваться, до конца, этими высокими сторонами русской души, пассивной стойкостью, как это сказалось в последнюю войну. Но еще более нам стыдно, что мы, несмотря на громкие, постоянно повторяющиеся, факты, совершенно не видим, а потому и не культивируем, даже гушим в себе другую, еще более драгоценную черту нашего воина, это природную русскую безшабашную удачу, о которой мы говорили и которую мы безбожно, с легкой руки (стараящихся умалить нас) иностранцев, признаем лишь годной к

партизанскимъ дѣйствіямъ, а не къ широкому, массовому наступленію. Для его культивированія—это рѣдкая находка!

Но иностранцамъ не грѣхъ такъ узко объяснять и затушевывать русскую удаль, такъ какъ она исключительно русскаго происхожденія и даже самое слово это непереводимо на другіе языки. Но намъ, намъ не понимать удали Святослава, цѣлаго ряда «удалыхъ» князей, удали Новгородской вольницы, Ермака Тимофѣевича, удали многихъ полководцевъ и вождей, удали въ Отечественную войну, удали въ Японскую войну нашихъ охотничьихъ командъ и мелкихъ отрядовъ, всегда бравшихъ верхъ надъ {такowymi же японскими (что и было всѣми отмѣчено: «всѣ не крупныя, до полковъ включительно, наши войсковыя части всегда брали верхъ надъ такowymi же японскими»)!) Наконецъ, намъ ли не понимать удали русскаго простолюдина, проявляемой въ повседневной жизни, несмотря на цѣлый рядъ накладываемыхъ на эту удаль крѣпкихъ цѣпей!... Развѣ это не голосъ породы, крови: «ничего, кромѣ наступательнаго!»

Увы! не только не культивируемъ, а все болѣе и болѣе мы обуздываемъ эту удаль въ военной жизни, въ кадетскихъ корпусахъ, въ военныхъ училищахъ, даже среди офицеровъ. Въ каждомъ проявленіи удали нѣкоторые видятъ (играя въ руку будущимъ противникамъ) только недисциплинированность, желаніе уйти отъ строгаго порядка бдительнаго надзора... Чисто русская богатырская удаль не сознается еще за наше преимущественное наступательное достоинство. Поэтому она и не культивируется, не поощряется въ жизни общей и тѣмъ болѣе—въ военной. Примѣровъ, думаю, приводить не надо: весь нашъ укладъ военной жизни состоитъ въ усмиреніи и полномъ погашеніи удали... Взглядитесь со вниманіемъ, но выше нашей обыкновенной точки зрѣнія, и вамъ ясно представится картина комичнаго отчаянія няни, бонны или родителей отъ шаловливости или чрезвычайной живости находящихся подъ ихъ надзоромъ дѣтей... Удаль въ нашей взрослой жизни, подобно живости и шаловливости дѣтей, ставится въ упрекъ, а идеальнымъ поведеніемъ называется такое, гдѣ нѣтъ ничего, кромѣ благонравія, спокойствія, боязливости, сложенія ручекъ, безграничной всѣмъ уступчивости, дѣвической скромности и пр.

Попытки возстановить природную русскую удаль различными мѣропріятіями, на примѣръ, воспитаніемъ «потѣшныхъ» и др., — пока еще нельзя назвать успѣшными, такъ какъ и въ потѣшныхъ развивается не русская удаль и воинственность, а заимствованныя

отъ другихъ: муштра, хожденіе по стрункѣ, школьное благонавіе, беззлобіе, прошеніе врагамъ, непротивленіе злу...

Хотѣлось бы еще распространиться о безбожномъ глушеніи сродной русскому человѣку удали, такъ какъ именно въ этомъ я лично и вижу причину упадка воинственности. Въ этомъ, а вовсе не въ развитіи смиряющей будто бы воинственность культуры...

Вѣдь не культура виновата въ томъ, что нѣкоторые грозные сыны Марса имѣютъ возможность брать перевязочныя свидѣтельства на самую обыкновенную для всѣхъ ѣздящихъ верхомъ «закопанную рѣдку»! Не культура виновата, что неизбѣжныя во всякомъ спортѣ, тѣмъ болѣе въ гимнастическихъ и воинскихъ упражненіяхъ, чисто случайныя травматическія поврежденія отнесены къ чрезвычайнымъ происшествіямъ и подвергаютъ начальниковъ, точно нянекъ и родителей, не усмотрѣвшихъ какъ порѣзалось дитя, серьезнѣйшей отвѣтственности...

Въ обыкновенной жизни частные люди могутъ сколько угодно вывихивать себѣ суставы во время работы, прыжковъ, гимнастики, и мы только дивимся удали и безстрашію русскихъ мастеровыхъ, высоко, высоко висящихъ на тонкой дощечкѣ, съ тонкой веревкой, и работающихъ такъ, какъ никто, кромѣ нашихъ русскихъ, не осмѣлится и не согласится...

Воинственнымъ же сынамъ Марса запрещается и на крышу влѣзть, снѣгъ сбросить. За вывихъ на гимнастикѣ — разнесутъ точно няньку за дѣтей.

Итакъ не общее развитіе всяческой культуры въ нашемъ народѣ ведетъ къ потерѣ воинственности и русской удали, *ибо и воинственность и природную у русскихъ удасть можно тоже культивировать въ противовѣсъ другимъ началамъ, а именно: неумѣніе культивировать эти драгоценныя качества, непониманіе — какъ и для чего ихъ воспитывать.*

Уже на этомъ примѣрѣ можно видѣть, что въ военномъ дѣлѣ можетъ процвѣтать своя народная русская военная культура, которая не только поведетъ къ сохраненію воинственности, но даже къ усиленію ея. Если же воинственность падаетъ, то значить военная культура неправильно поставлена и тушитъ въ арміи природную воинственность.

III. Вздорность характера: междуособія, мѣстничества.

Нельзя не подивиться нашимъ національнымъ недостаткамъ, порокамъ: склонности брести врозь, къ раздѣленію на удѣлы, междуособіямъ и мѣстничеству.

Рознь, переходящая во вражду, личное соперничество, которое нельзя смѣшивать съ соревнованіемъ и конкуренціей—вотъ наши бичи.

Эти національные недостатки и пороки и ихъ пагубныя для государства послѣдствія буквально запротоколены и осуждены на страницахъ исторіи. И кажется, что точное установленіе этого факта доставляетъ намъ большее удовольствіе коллекціонера, ученаго изслѣдователя, чѣмъ ужасъ наслѣдника такихъ качествъ.

Единой арміи духовно — все еще нѣтъ; она распозлалась «на удѣлы»; роды войскъ, полки, отдѣльныя части войскъ, учрежденія... И какъ въ удѣльный періодъ не было «Всея Руси», а были удѣлы: Кіевъ, Новгородъ, Тверь, Владиміръ и пр., такъ теперь у насъ нѣтъ удовольствія отъ идеи единой арміи, а есть удовольствіе чувствовать себя: гвардіей, пѣхотой, кавалеріей, артилеріей и пр. Полки и другія части войскъ, несмотря на то, что контингентъ ихъ ежегодно мѣняется, что принадлежность къ этому полку не только не наслѣдственная, но даже не пожизненная, старательно различаются между собою не однимъ номеромъ, а разными наименованіями, позволяющими имъ превозноситься надъ другими, хотя совершенно такими же полками той же русской арміи...

Даже традиціи, понятія, сама воинская честь, доблесть, т.-е. законы воинской правственности, обычаи — устанавливаются не для *всей* русской арміи одинаково, а по удѣльнымъ княжествамъ, т.-е. по полкамъ и др. отдѣльнымъ частямъ и учрежденіямъ...

Тяжело, больно смотрѣть на эту все еще не устраненную, послѣ многихъ вѣковъ сознанія, язву на тѣлѣ русскаго народа, особенно на его правой, вооруженной рукѣ, т.-е. на его арміи!

Прежнее — въ удѣльный періодъ — различіе обычаевъ, нравственности, доблести, отличій, славы... хотя и признавалось вреднымъ для «Всея Руси», но объяснялось просто и естественно, такъ какъ кіевляне, новгородцы и др. пожизненно и даже наслѣдственно пріобрѣтали и передавали потомству все, чѣмъ именно они отличались.

Но какой военный доводъ въ состояніи вполнѣ оправдать причину различій въ полкахъ и др. частяхъ единой арміи, одинаково и равномерно, по всѣмъ статьямъ, ежегодно пополняемыхъ однороднымъ людскимъ матеріаломъ, притомъ не наслѣдственнымъ и даже не пожизненнымъ... Отецъ и, можетъ быть, сынъ всю жизнь куютъ славу одного полка а внукъ, попавшій въ «молодой», не славный (!) еще полкъ, не получаетъ по отцу и дѣду наружныхъ

за это отличій, въ то время, какъ другой, только что поступившій въ «славный» полкъ, гдѣ его предки никогда не были, тѣмъ не менѣе получаетъ тотчасъ значекъ, отличія полка, пользуется незаслуженно его славой.

Какъ допустить, что одинъ офицеръ Русской Арміи, потому что онъ находится въ 1000-мъ полку, хуже или лучше того, который находится въ 1001-мъ полку; тѣмъ болѣе, что офицеровъ, служащихъ пожизненно въ одной части нѣтъ или есть лишь исключенія (впрочемъ пожизненное служеніе въ полку запрещено даже закономъ о возрастномъ цензѣ).

Много можно сказать и противъ празднованія столѣтнихъ и др. юбилеевъ *не всей арміи*, а полковъ... На самомъ дѣлѣ, армія—цѣлый организмъ; полки и др. отдѣльныя части его—клеточки, кои размножаясь, являются причиною роста организма—арміи. Но лѣта считаютъ цѣлому организму, а не отдѣльнымъ клеточкамъ.

Значить, юбилей старѣйшей клеточки, нѣкогда составившей всю армію, и нынѣ есть юбилей арміи, а не ея клетки. Тѣмъ болѣе, что всѣ полки совершенно одинаковаго государственнаго достоинства; матеріаль въ нихъ поступаетъ одновременно и равномерно-однородный.

Тоже и съ приписываніемъ подвиговъ данному полку, даже когда онъ не находился отдѣльно, а въ составѣ арміи.

Можетъ отличиться и совершить подвигъ или отдѣльная личность или же вся армія, но никакъ не полкъ. Приписывать подвигъ полкамъ все равно, что приписывать совершеніе его *мѣсту* совершенія подвига. (Напримѣръ подвигъ Измаила, деревни Бородино и т. п.).

Слава, принадлежащая всей арміи, совершенно неправильно присвоена только сотой или двухсотой ея части—она общеармейская, общерусская слава. Преемственно, по наслѣдству служили тамъ дѣды наши общіе, т. е. дѣды всей арміи, а не исключительно тѣхъ, кто совершенно случайно попалъ въ тотъ или другой полкъ. Празднуется юбилей всего города, а не отдѣльныхъ его домовъ, и дома, построенные недавно, считаются не менѣе хорошими, чѣмъ раньше всѣхъ построенные въ юбилейномъ городѣ. Полкъ есть тотъ же домъ въ городѣ; и въ томъ домѣ нѣтъ пожизненныхъ, тѣмъ болѣе наслѣдственныхъ хозяевъ; мѣняется ежегодно часть ихъ, а въ нѣсколько лѣтъ всѣ обитатели его и навсегда...

Свойственный русскимъ порокъ мѣстничества обнаруживается въ полковыхъ исторіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, для какой благой (во имя

отечества и арміи!) цѣли это преимущественное изученіе исторіи полка передъ исторіей арміи; споры и ходатайства о полковомъ старшинствѣ? Неужели только для тщеславнаго величанія надъ другими полками, позднѣе сформированными? И какъ же не учитывать страшно вреднаго вліянія мысли, что молодые полки не преемственны дѣдовской славы русской арміи, такъ какъ эта слава будто бы есть принадлежность только старшихъ полковъ, поэтому «неславнымъ» еще полкамъ не срамъ оказаться менѣе доблестными, чѣмъ тѣ—другіе что имъ еще надо заслужить эту славу...

Мѣстничество создало культъ *личнаго мѣстнаго самолюбія*, за которое поступаются культомъ самолюбія всей арміи. Мѣстничество и раздѣленіе на удѣльные княжества развили соперничество (повторю, что соперничество надо отличать отъ соревнованія также, какъ отличается вражда отъ союза), рознь, несогласія, внутреннюю вражду, интриги между частями арміи и ихъ представителями.... Все это и было у насъ зарегистрировано исторіей даже въ Отечественную войну, казалось слившую всѣхъ во едино.

IV. Чѣмъ жило, чѣмъ всегда побѣждало враговъ наше отечество.

Общая и военная исторіи русскаго государства и его арміи даютъ много подобныхъ, болѣе чѣмъ ясныхъ упрековъ и уроковъ на будущее. Много яркихъ выводовъ, относительно національныхъ достоинствъ и національныхъ недостатковъ и пороковъ. Много яркихъ примѣровъ современнаго нежеланія не только выучить, но и уразумѣть уроки, даваемые намъ исторіей, отчего и получились невѣроятныя заблужденія, и возведеніе въ культъ порока или недостатка (раздоры, рознь), вмѣсто культа великихъ нашихъ достоинствъ и добродѣтелей (удаль, наступленіе).

Нѣчто подобное мы видимъ именно теперь: всѣ успѣхи, всѣ побѣды приписываютъ почти исключительно стремленію отдѣльныхъ лицъ удовлетворить свои самолюбія, славолюбія, приписываютъ умѣнію красивымъ словомъ или жестомъ вызвать у войскъ якобы воодушевленіе, храбрость, стремленіе къ побѣдѣ....

Не найти словъ, чтобы соотвѣтственно ярко показать нелѣпость подобныхъ предположеній!

Война не театръ, гдѣ публика, нервная, уже извѣстнымъ образомъ настроенная, электризуется словомъ, интонаціей, голосомъ прославленнаго любимца-артиста.

Идущему на смертельный бой съ врагомъ своихъ близкихъ, семьи, отчизны, ну право же, мало дѣла до «сорока вѣковъ, смотрящихъ съ высоты пирамидъ».... Если же армія воодушевлялась, то какъ Божій день ясно, что она *воодушевлялась не красивыми, въ театрално-художественномъ смыслѣ словами («и съ такими молодцами отступать!»)*, а *видомъ своего вождя, силъ котораго она безгранично вѣрила, вождя, который (она надѣялась) безусловно приведетъ къ побѣдѣ, къ устью защиты своей дорогой отчизны.*

Ей все равно, что бы ни сказалъ этотъ любимый за свою могучую полководческую силу вождь; скажи, напиши онъ не «40 вѣковъ....», а просто: «солдаты, я съ вами», и это вызвало бы такое же воодушевленіе, такой же восторгъ....

Смѣшно думать, что армія воодушевляется ораторами, а не тѣми вождями, которымъ она вѣритъ. Послѣдній можетъ и не показываться войскамъ; они воодушевлены вѣрой въ него, надеждой на него.

Вглядитесь въ исторію и жизнь; увидите, что это такъ. Вглядитесь въ наши особенно великія историческія минуты, и васъ ослѣпитъ блескъ того солнца, которое сіяло въ жизни русскаго народа; солнца, которымъ жива была Россія и которымъ побѣждала всѣхъ враговъ своей жизни и здоровья. Не личныя самолюбія и актерское краснорѣчіе спасли Россію въ смутную эпоху и Отечественную войну, а только воистину священное чувство—любовь къ своему отечеству массъ. Вотъ солнце, свѣтившее Россіи всегда полнымъ свѣтомъ; но не всегда одинаково сильнымъ!

Увы! Въ японскую войну это солнце *сильнѣе* свѣтило у японцевъ, а не у насъ. Въ эту войну, увы, безграничная любовь къ Царю и Отечеству у японцевъ оказалась больше, сильнѣе, чѣмъ у насъ! Какъ будто и впрямь это солнце у нихъ *взошло* послѣ нѣ котораго захода его у насъ.... У насъ же... его заслонилъ ростъ пышнаго расцвѣтанія личнаго самолюбія, честолюбія, славолубія. Переберите приказы отдѣльныхъ начальниковъ въ Манчжуріи и, въ частности, въ Артурѣ. Право же, не найти болѣе красивыхъ, «хватающихъ за душу», воистину воодушевляющихъ приказовъ. И будь побѣда—быть можетъ исторія приписала бы ее этимъ рѣчамъ.

Подобныя искаженія въ исторіи бывають, но ихъ не трудно и видѣть, а потому... стыдно не пользоваться уроками исторіи отечественной, общей и военной, и стыдно не бѣжать ихъ; стыдно учить только для «чистаго знанія», вѣрнѣе—для соперничества самолю-

бій на непрерывномъ экзаменѣ въ училищѣ, академіи и въ теченіе всей службы, а не для очищенія отъ этихъ пороковъ текущей службы.

У. Выводъ.

Повторю: еще много есть примѣровъ, доказывающихъ нежеланіе или неумѣніе наше пользоваться уроками исторіи, т.-е. опытомъ общегосударственной и военной жизни нашихъ дѣдовъ, научиться анализировать національныя достоинства, недостатки, пороки и стремиться укрѣпиться въ первыхъ и отдѣлаться отъ вторыхъ. Я кончаю на приведенныхъ мною, надѣясь, что хоть немного освѣтилъ затемненныя стороны вопроса и скрытыя причины упадка воинственности, попробовавъ дать отвѣтъ на чрезвычайно интересный и важный вопросъ «генерала Бетрищева»; поставленный имъ въ одинъ изъ вторниковъ....

А. Дмитревскій.

